

ОПИСАНИЕ МОЕГО ПЛЕНА В РОССИИ С 1812 ПО 1814 ГОДЫ²

Настоящая публикация продолжает цикл материалов³, посвященный пребыванию в пределах Саратовской губернии военнопленных Великой армии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Транспорт от Минска через Тамбов в Саратов и оттуда в Камышин (Kamischinck).

< > Тотчас после нашего прибытия в Еркаски (Jerkasky)⁴ мы были представлены тамошнему военному коменданту. Тут мы впервые со времени нашего пленения были приняты начальником не только с множеством проявлений любезности, но даже с настоящим участием. Он разговаривал с каждым из нас по отдельности и обнаружил свое сочувствие к нашему бедственному положению таким способом, который растрогал нас до глубины души. Он утешал нас в связи с тем, что место нашего пребывания было изменено с Тамбова на Саратов, неоднократно заверяя, что мы можем считать за счастье отправку в Саратовскую губернию, поскольку ее губернатор⁵ имеет благородный характер и пользуется уважением и любовью всей провинции, так что он, конечно, постарается облегчить наш жребий всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Успокоенные и вдохновленные новыми надеждами, мы покинули коменданта.

< > 9 июня мы отправились в путь из Еркаски и продолжили наше путешествие в Саратов, куда прибыли в 9 часов утра 12 июля [1813 года] и тотчас же были представлены губернатору. То, что нам говорил комендант Еркаски, полностью подтвердилось при нашей встрече. Гуманный прием, который нам был оказан, позволил по-настоящему надеяться на лучшее будущее, насколько это может тот человек, кто лишен свободы. С неоспоримым со-

¹ Фридрих Пепплер (1781–?), лейтенант 2-го батальона Гессен-Дармштадтского Лейб-полка был взят в плен в декабре 1812 г. возле Сморгони, затем через Минск и Тамбов направлен в Саратов. Подробно описал свое пребывание в г. Камышине Саратовской губернии.

² Schilderung meiner Gefangenschaft in Rußland vom 1812 bis 1814, von Firdrich Peppler. Worms, 1832; 2-е изд. Darmstadt, 1834 (см.: Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ. Систематический указатель. СПб., 1993. Вып. IV. С. 195).

³ См.: Пешке С. Б. Мое пребывание в российском плену в 1812 году // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 391–405; Флек А. Описание моих страданий и судеб во время наполеоновского похода и моего плена в России // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. II: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 137. С. 218–221; Шенк К. Хр. Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Доклады Академии военных наук. Саратов, 2004. № 12. С. 84–101; Саратовский край глазами чужеземцев // Волга – XXI век. Саратов, 2004. № 7–8. С. 191–224. Ведель К. А. В. фон. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания // Поволжский край: Сб. ст. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 169–186; Вьейо Ж. Р. Р. Воспоминания одного пленного в России в 1812–1813–1814 гг. / Пер. с франц. А. В. Гладышева // Саратовский краеведческий сб.: Научные труды и публикации. Вып. 2. Саратов, 2005. С. 269–274. Военнопленный в сердце России. 1812–1814 гг.: (Воспоминания гусарского лейтенанта Вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эбардом / Пер. с нем. А. Н. Галямичева // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. V: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 161. М., 2006. С. 286–309.

⁴ Судя по описанию Пепплера, это крупный населенный пункт, скорее всего город, однако уездного города с похожим названием не существовало и, скорее всего, название искажено. Так называемый «Еркаски» лежит где-то между Тамбовом и Саратовом, но ближе к Тамбову, поскольку партия Пепплера из Тамбова вышла 27 мая, «Еркаски» покинула 9 июня, а в Саратов прибыла 12 июля.

⁵ Саратовским губернатором в 1808–1826 гг. был Алексей Давыдович Панчулидзе.

чувствием губернатор осведомился о наших прежних судьбах и сожалел о бесчеловечностях, которые учинили над нами руки злодеев, при этом он неоднократно отмечал, что это, безусловно, не было волей императора, старающегося предоставить пленным любое облегчение, которое может сделать их положение более терпимым, поэтому он также дал прямое приказание защищать их в любом отношении и особенно не позволять нарушать их обычаи. В то же время он заверил нас, чтобы мы ничего не опасались в его губернии, и призвал напрямую сообщить ему о любой обиде, какую только возможно было нам причинить.

Перед губернатором лежала карта Европы. Когда мы ему представлялись, он отыскивал родину каждого, смотря по тому, как мы о ней сообщали, и приказывал отмечать своему секретарю. Он свободно говорил по-французски и немного по-немецки; его адъютант, тоже весьма учтивый человек, свободно говорил по-французски. Губернатор дал нам понять, что мы еще несколько дней отдохнем в Саратове, а затем будем разделены по различным местностям его губернии. Причем он имел столь большую любезность предоставить нам свободу самим произвести наше разделение между собой. Этому обстоятельству я обязан был счастьем оставить при себе своего друга Брауна (Braun)⁶.

Теперь мы были расквартированы в Саратове и, по-видимому, нарочно только у русских жителей, несмотря на то, что там проживает много немцев, которые имеют собственную улицу, называемую «Немецкая улица»⁷. Мне почти хочется верить, что произошло это для того, чтобы предоставить нам возможность получить лучшие представления о русских; ведь, действительно, во время пятнадцатидневного пребывания в этом городе они обращались с нами не только бережно, но даже обходительно учтиво и в полной мере гостеприимно, не брали с нас даже за питание. Они в такой мере приобрели наше доверие, что мы, когда испытывали потребность в телесном очищении, доверялись русским лодочникам, чтобы искупаться в Волге, которые добросовестно привозили нас к безопасным местам и, когда мы осмеливались заплывать довольно далеко, с большой заботой предостерегали нас. Короче, обращение было такого рода, что нам казалось, будто мы находимся в дружественной стране.

Сразу в первый день нашего пребывания в Саратове, после того как мы получили наше пятидневное денежное содержание, которое губернатор распорядился выплатить нам вперед, я попытался завести знакомство в городе. Случай привел меня в немецкую гостиницу, владельца которой звали Готтфрид Шульц (Gottfried Schulz)⁸, в котором я узнал находчивого и учтвого человека. Здесь после продолжительного времени я снова выпил первоклассного вина, которое по большей части заказывают из Астрахани и очень дешево. В этом доме довольно скоро нашелся другой немец, который подошел ко мне и осведомился о моем отечестве. После того, как я ему это сообщил, он радостно воскликнул: «Вот обрадуется мой Филипп, что наконец-то встретил земляка». Он поспешно удалился и вернулся в сопровождении солдата и нынешнего знаменосца, Филиппа Линденструта (Philipp Lindenstruth)⁹ из Бойерна (Beuern), расположенного в округе земли Гиссен (Landrathbezirk Giesen)¹⁰, который, несмотря на мою изменившуюся внешность, тотчас же узнал меня. Можно с легкостью представить себе, какой удивительной и для обеих сторон неожиданной была встреча. От него я узнал, что он попал в плен в сражении под Можайском и был перевезен в Калугу, где располагались еще 3000 военнопленных французской армии, вместе с которыми он был уведен в Воронеж (Tweronisch). На марше до того места их количество уменьшилось до 500, а в дальнейшем пути до Еркаски от тех 500 осталось только 86.

Голод, мороз и телесные истязания, которым они постоянно подвергались во время транспортировки, уничтожили пленных вплоть до такого малого количества. Нигде со стороны

⁶ Адъюдан-унтер-офицер (затем лейтенант) 2-го Бергского полка Браун 5 декабря 1812 г. остался обесилненным в Сморгони, где и был взят в плен. В лейтенанты был произведён, видимо, в ходе кампании. Двигался в транспорте вместе с Йелиным. Плен провел г. Камышине Саратовской губернии. Вернулся на родину в 1814 г.

⁷ Немецкая слобода, затем Немецкая улица, ныне проспект имени С. М. Кирова.

⁸ Сведений о нем не имеется.

⁹ Сведений о нем не имеется.

¹⁰ Округ в составе Великого герцогства Гессен-Дармштадт, ныне — в составе федеральной земли Гессен.

русских военных властей не было даже малейшего интереса к их судьбе. Лишь в Еркаски комендант отнесся к ним человечно, расспросил о причине такой большой потери людей, понесенной на марше, и после того, как они описали ему совершенные над ними жестокости, он учинил расследование, которое завершилось тем, что начальник (Quatalnick)¹¹, командовавший транспортом из Воронежа в Еркаски, был сослан в Сибирь; а все пять солдат, из которых состоял эскорт, каждый без исключения был приговорен к 200 ударам палками. Однако не было речи о наказании того эскорта, который из 3000 военнопленных, чье сопровождение было вверено в Калуге, привел до Воронежа только 500 человек. Впрочем, его нынешняя судьба вполне сносная, так как кроме своего ежедневного содержания, составляющего 12 копеек¹² или около 3 крейцеров¹³, что, разумеется, не было достаточным для пропитания, он нашел небольшой заработок на фабрике некоего господина Мейссингера (Meißinger)¹⁴, немца, где с ним обращались с большим добродушием; тотчас же он от имени своего хозяина, получившего сведения о моем пребывании в Саратове, пригласил меня.

Пять дней я провел в этом городе, и при изменившихся теперь условиях приобрел ясный ум и новый интерес к жизни, и, насколько предоставлялось время и возможность, я начал обращать свой наблюдательный взор к стране, в которую меня только однажды забросила судьба. Знакомство с господином Мейссингером было мне весьма полезным в Саратове. Возможно, мои небольшие сообщения по этому поводу будут небезынтересны.

Саратов в азиатской России¹⁵ является столицей губернии с тем же названием, площадью около 4000 квадратных миль и населением примерно 1 миллион жителей¹⁶. Город, как я уже упоминал, лежит на Волге, и, благодаря своему расположению, имеет важнейшие торговые связи, особенно оживленные с Астраханью и Крымом. В нем живет примерно 9000 жителей¹⁷. Главным предметом торговли являются зерно, преимущественно пшеница, выделанная кожа, рыба и меха. Он построен на русский манер, большей частью из дерева; улицы не мощены. Он разделяется на верхний, средний и нижний город. В каждой части города имеется торговая площадь. Верхняя часть лежит на Волге и плоская; обе другие части гористые. В средней части города находится дворец губернатора, прекрасное, возведенное из камня здание, которое принадлежит государству¹⁸. Кроме того, в городе имеются три очень красивые русские, или греческие, и две немецкие церкви.¹⁹

На другой стороне Волги, напротив Саратова, находится так называемый «Казачий город» (Kosacken-Stadt)²⁰. Его жители не имеют перед правительством никакого иного обязательства, кроме привоза и доставки в Саратов определенного количества соли из расположенного в той местности соляного озера²¹, они даже освобождены от воинской повинности. Число жителей составляет примерно 3000. Я воспользовался моим пребыванием в Саратове

¹¹ Слово искажено, но по описанию Пепплера речь идет о партионном начальнике: «Во главе транспорта стоял кватальник, так называют офицеров, которых берут из армии для выполнения отдельных полицейских функций» (см.: S. 74).

¹² На самом деле пленным унтер-офицерам, рядовым и нестроевым был положен солдатский провиант и 5 копеек в сутки.

¹³ Крейцер (Kreuzer) — мелкая разменная монета в Австро-Венгрии и южной Германии, обращавшаяся до конца XIX в.

¹⁴ Сведений о нем не имеется.

¹⁵ Распространенная ошибка мемуаристов.

¹⁶ По четвертой ревизии в Саратовской губернии было «всех жителей обоего пола вообще 717 124 души» (Щекатов А. Географический словарь Российского государства. М., 1807. Ч. 5: Р — С. Стлб. 751).

¹⁷ По данным А. Ф. Леопольдова, в 1810 г. в Саратове проживало 15 тыс. человек (Статистическое описание Саратовской губернии: В 2 ч. СПб., 1839. Ч. 2. С. 13).

¹⁸ Это был каменный двухэтажный дом с флигелем, множественными службами и садом. С 1820 г. в нем находилась первая мужская гимназия, в настоящее время это здание областного суда (ул. Некрасова, 17).

¹⁹ Мемуарист правильно определяет количество немецких церквей (см.: Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935). Саратов, 1995), но неточен в числе русских (см.: «В городе [Саратове] шесть церквей каменных...» Щекатов А. Указ. соч. Ч. 5. Стлб. 740).

²⁰ Имеется в виду Покровская слобода, основанная в 1747 г. украинскими чумаками (с 1914 г. — г. Покровск, с 1931 г. — г. Энгельс).

²¹ Речь идет об озере Эльтон, расположенном в современной Волгоградской области.

для того, чтобы осмотреть другой берег Волги, и потому посетил этот город; жители показались мне очень добродушными; в их обычаях я не нашел отличий от русских.

Что касается окрестностей, то берег Волги, лежащий напротив Саратова, называется луговой стороной, а по эту сторону — горной. По обоим берегам этой большой реки распределенные на значительном расстоянии находятся 105 немецких колоний; из них 50 находятся по эту сторону, а остальные по ту сторону Волги²². Во всех без исключения колониях хорошо развито животноводство, на луговой стороне особенно развито коневодство. Цена на лошадь в той местности очень умеренная, за одну отборную четырех-пятилетнюю лошадь платят от 80 до 100 медных рублей. Овцеводство там незначительно, так как эти животные, как меня заверили, редко могут содержаться здесь, причиной тому могут быть климат или корм. Также не удается возделывание конопли и льноводство, что местные жители объясняют необычайной летней жарой.

Шерстяные и льняные товары в той местности ценятся очень высоко, возможно это вызвано также тем, что жители, особенно русские по национальности, по большей части носят рубашки из ситца. Впрочем, в Саратове царит большое благосостояние, которое не ограничивается только дворянами и купечеством, как обыкновенно в России, но распространено среди прочих слоев населения.

После пятнадцатидневного пребывания в этом городе мы отправились в путь. Правда, перед нашим отъездом губернатор еще раз позвал нас к себе, повторил нам императорский указ в отношении военнопленных, тотчас же отметив, что нам предоставлены самые удобные местности для нашего проживания, и затем сердечно попрощался с нами. После этого он обратился к начальнику эскорта и дал ему в нашем присутствии подобающий приказ заботиться о нас и во время поездки содержать нас в надлежащем порядке. Как это распоряжение было исполнено, мы вскоре увидели.

Военнопленные были разделены на две команды, первая из них, к которой принадлежали Браун и я, была определена в Камышин²³, вторая — в Сарепту²⁴. Дорога на Сарепту шла через Камышин, так что обе команды ехали вместе. Пункт нашего сбора был за пределами Саратова, время выступления назначено на 10 часов утра. Все мы прибыли в назначенное время и застали там наши транспортные повозки. Отсутствовала только главная персона, это был начальник. То, что он, получив в тот же самый день из уст губернатора серьезнейшие распоряжения о соблюдении правил и поддержании порядка, одновременно с началом исполнения своих должностных обязанностей позволил себе дурные манеры, явившись в 5 часов вечера в совершенно пьяном виде, не было хорошим знаком. Мы высказали большие возражения относительно того, чтобы довериться этому сомнительному руководству, и только уважение, которое нам внушало обходительное и бережное отношение со стороны гуманного губернатора, смогло побудить нас согласиться с извинениями наполовину лишенного сознания начальника и не разглашать изобличающими жалобами наши опасения о будущей поездке под руководством такого пьяницы. Как много было у нас причин пожалеть об этом снисхождении.

В 6 часов вечера мы выехали из Саратова и в 11 часов благополучно добрались до первой станции. Браун и я занимали одну квартиру. При входе мы поприветствовали нашего хозяина по русскому обычаю и попросили за плату что-нибудь поесть, а именно то, что легче всего получить в русской деревне, — молоко и яйца. Нам было отказано, как и в каждом еще

²² К концу XVIII в. в Саратовском наместничестве по обоим берегам Волги было основано (по разным данным) от 102 до 106 колоний (см.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С. 85; История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие для средних и старших классов школ всех типов. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 71; Герман А. А., Плева И. Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк: Учебное пособие. Саратов, 2002. С. 29).

²³ Камышин — уездный город Саратовской губернии, основан в 1668 г. как крепость Камышинка, ныне районный центр Волгоградской области.

²⁴ Сарепта (Сарпа), немецкая колония Саратовской губернии, Царицынского уезда, на реке Сарпе, основана в 1770 г. моравскими братьями (гернгутерами) из Богемии, которые получили бесплатные земли и особые льготы. Ныне в черте г. Волгограда.

более скромном запросе. Напрасно мы обращали внимание нашего хозяина на императорский указ, по которому на жителей возлагалось отпускать нам продукты по обычной цене. Кажется, от наших упреков он стал еще более раздражительным и, наконец, с жаром выпалил: «Француз — собака» («Franzus Saback»).

Так он ненавидел французов. Так как доводы не принесли пользы, то мы вынуждены были прибегнуть к помощи популярных там демонстративных методов, которые, внушенные простейшим способом, оказывают полное воздействие и значительно быстрее переубеждают человека, чем на это может быть способно самое убедительное обсуждение. За вознаграждение мы получили не только молоко и яйца, но также хлеб. Нашими местами для отдыха была деревянная скамья, на которой мы провели время до 5 часов утра, когда нас разбудили для выступления.

При прибытии на место сбора мы нашли там 6 телег для 40 военнопленных²⁵. Мы вынуждены были сложить на них свой багаж и ехать и идти попеременно, так как, естественно, малое количество подвод не позволяло разместить всех нас. Тщетно мы делали замечания начальнику, который пытался оправдаться ложными сведениями о том, что больше подвод в деревне достать нельзя; он остался при твердом намерении ограничить нас этим количеством подвод. Уверенность в том, что наши жалобы найдут отклик у губернатора, побудила нас объявить ему, что мы отправимся назад в Саратов, если он тотчас же не доставит предписанные императорским указом транспортные средства. Он попытался успокоить нас любовными уговорами, однако мы развернулись в обратную сторону, чтобы показать ему, что нужно серьезно воспринимать нашу угрозу. Тогда он пришел в бешенство; уверенный в поддержке народа, он использовал перевес, который доставляло ему его положение хозяина, не задумываясь долго о том, какие последствия могут наступить для него после этого. По данному сигналу все злодеи деревни стремительно набросились на нас с навозными вилами, кочергами и кольями. Для нашей защиты у нас не было ничего, кроме камней, которые мы поспешно собирали и бросали в наших врагов. Мы держались так долго, как могли, но превосходящие силы победили, мы вынуждены были уступить; в спешке я взял свой узел с одной из телег, но в тот же миг получил от моего недружелюбного хозяина, который как раз находился среди нападавших и совершил злодейство, указав на меня как на зачинщика мнимого восстания пленных против начальника, такой удар в затылок, что упал на землю в полусознательном состоянии. Мы все подверглись отвратительным истязаниям, однако не без упорного сопротивления с нашей стороны, так как то оружие, что мы смогли выхватить у нашего врага, также безжалостно направлялось против него. На нашей стороне было право и убежденная уверенность в том, что в высших сферах это бесчинство не будет одобрено, и мы получим надлежащее удовлетворение за совершенные над нами насилия. Тем временем на мгновение торжествовала толпа, а мы изнемогали и должны были терпеть, что нам заткнули рты, нас связали, а тех, кто из-за перенесенных истязаний не мог больше идти, связанными бросили на телеги. Я был привязан к ганноверскому ротмистру фон Квайта (von Queitha)²⁶, правда только к рукам, так что нам в отличие от остальных, которым кандалы на ногах мешали идти, выпала терпимая доля. Наши курительные трубки были разбиты, табак разбросан, потому что в целом курение вызывает отвращение у русских. Итак, даже этого удовольствия мы были лишены. Никто из нас не был освобожден в пути. По вечерам нас запирали, вода и хлеб были нашей пищей. Два дня мы содержались таким вредительским образом. Глупый начальник полагал, что он силой внушит нам уважение и сделает нас уступчивыми, как подобное обычно происходит с простым русским, который каждого почитает за господина и хозяина, кто размахивает над ним плеткой. Но как скоро он оставит свое заблуждение.

Уже на третий день, когда мы приблизились к одной из немецких колоний, он изменил свое поведение. При выступлении у нас уже было необходимое количество подвод, кандалы

²⁵ Между тем по предписанию от 29 августа 1812 г. на каждую пару пленных офицеров полагалась одна пароконная подвода.

²⁶ Сведений о нем не имеется.

сняты, и нам было предложено сесть на подводы. Впрочем, мы отказались и пошли пешком. Видимый страх занял место прежней жестокости. То к одному, то к другому подходил этот подлый человек и просил каждого все же сесть на подводы, на что он получал всегда ответ, что он может только подождать нашего прибытия в первую колонию, там мы согласимся на то, чтобы нас везли. В середине дня около 11 часов мы вошли в немецкую колонию Орга (Orga)²⁷, где нас встретили громким ликованием. Собралось все село, каждый хотел взять кого-нибудь на постой, для каждого мы были сердечно желанными гостями. От такого дружественного приема наш начальник крайне испугался и, чтобы еще более дать нам почувствовать свою власть, распорядился сесть на подводы, чтобы поехать к определенному месту стоянки. Когда мы этого не сделали, он вспылал и вновь захотел взять власть, в то время как колонисты предлагали поставить бесплатно подводы для нашего транспорта до следующей стоянки, а ему отправить обратно свои русские телеги, но вскоре пошел на уступки, так как сведущие в местных обычаях честные немцы собрались его крепко поколотить. Короче, еще бы немного — и он получил бы порядочные побои. Чтобы предотвратить ссору, один из нас запел известную мелодию: «Подрасться и быть побитым — вот самая прекрасная участь на земле» (*Prógeln und geprógelt werden ist hier schönsten Loos auf Erden*). Однако мы не желали доставить ему прелести этой участи, чтобы мы с большим правом могли удовлетворить наши жалобы и причиненный нам позор в подобающем месте.

Рука об руку с нашими дорогими земляками мы вошли в их гостеприимные и чисто-плотные жилища и впервые по истечении продолжительного времени нас угощали по-немецки. Однако тотчас же после приема пищи нашим первым делом стало написание жалобы к губернатору Саратова на русском, немецком и французском языках при помощи нашего доброго колониста и отправка его с конным в Саратов. У нас не было сомнения в точности пересылки, так как бургомистр колонии взял на себя доставку до места.

В три часа дня пополудни мы покинули этих хороших людей, которые на своих подводах при многочисленном сопровождении отправили нас до следующей стоянки, также немецкой колонии, где нам был оказан нежный прием. Отсюда у нас оставался еще однодневный переход до Камышина, где начальник должен был передать нас коменданту²⁸. Его смущение и страх возрастали с каждым шагом, приближающим нас к этому месту, которое мы наконец-то достигли 21 июля пополудни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прибытие в Камышин. Нахождение там вплоть до освобождения

У коменданта Камышина мы нашли такой же дружественный прием, как и у губернатора Саратова, а еще ранее — у коменданта Еркаски. Он побеседовал с каждым из нас в отдельности самым обходительным образом, заверил нас в своей защите во время нашего пребывания в его округе, а затем спросил о том, как с нами обращались. Мы не преминули с особой похвалой упомянуть гуманный прием в Еркаске и в Саратове, но в то же время высказали свои жалобы на жестокое обращение со стороны последнего начальника, рассказали об утаивании им транспортных средств, затем мы особо упомянули о кандалах, в которых он заставил нас путешествовать два дня пешком на хлебе и воде. Комендант не мог скрыть своего удивления и глубокого возмущения, которые охватили его при этом рассказе. Презрительно глядя на начальника, он спросил нас, тот ли это человек, на которого он указывает пальцем, осмелившийся содержать нас таким образом? На всеобщий утвердительный ответ он схватил

²⁷ Колонии с таким названием не существовало. Очевидно, речь идет о Норке — реформатской немецкой колонии Саратовской губернии Камышинского уезда, основанной в 1767 г. на правом берегу р. Норе, в 110 верстах к северу от уездного города.

²⁸ Речь идет либо о городничем Камышина, которым в 1813 г. был титулярный советник Ф. М. Будищев, либо об исправнике уезда, которым был штабс-капитан П. П. Барановский (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813. СПб., 1813. Ч. 2. С. 262).

трясущегося грешника, который не мог произнести ни слова в свое оправдание, за грудки и отбросил его к двери со словами «Шельма! Собака!» («Мошенник! Собака!»)²⁹. После этого он обратился к нам и дал понять тем, кому местом пребывания была отведена Сарепта, чтобы они оставались в Камышине до последующего распоряжения, поскольку наши жалобы будут направлены вместе с обвиненным начальником в Саратов, и военнопленные должны дожидаться решения по этому делу.

Я получил в Камышине мою квартиру у одного немецкого столяра, зажиточного господина, который принял меня очень по-дружески. Лишь только его пагубная тяга к питию, приводившая его к продолжительной ссоре с женой, которую он зачастую избивал, делало мое пребывание там невыносимым. Поэтому я переехал к моему Брауну, получившего квартиру у одного бедного немецкого портного, где мы должны были обходиться [немногим], однако, по крайней мере, жили в мирной семье, в которой оставались вплоть до нашего освобождения.

Так как мы провели здесь пять месяцев, то я, конечно же, довольно точно изучил место моего пребывания, как и его окрестности, отчасти посредством собственных наблюдений, отчасти благодаря чужим сообщениям.

Камышин имеет прекрасное расположение прямо на Волге, город возглавляет на юге все немецкие колонии, расположенные по эту сторону Волги³⁰, возникшие примерно в середине прошлого столетия, а также в последнее время. Он полностью построен из дерева и немогуч, улицы нерегулярные, и при сырой погоде чрезвычайно грязные. Он имеет две церкви³¹ и цитадель, расположенную за городом в ста шагах от Волги и отделенную от него маленьким каналом³². Город делится на две части (верхний и нижний), он расположен сравнительно ровно, но против Волги — в низине. Он насчитывает 2500 жителей³³, которые по большей части промышленяют торговлей, которая, состоя из зерна, кожи и рыбы, ведется как на Сарепту, так и на Астрахань. Здесь окрестности по эту и по ту стороны Волги также различаются названием: горная и луговая сторона. С этой стороны берег Волги отчасти выложен высокими скалами, с которых взору представляется великолепный вид на бескрайние степи Азии, простирающиеся вплоть до Кавказа.

Что касается окрестной местности, то горная сторона, или территория по эту сторону Волги, довольно плодородна, и производит особенно много пшеницы. Несравненно меньше занимаются здесь возделыванием ржи. разведение картофеля среди колонистов также не очень распространено, как и у соседних русских. Лен и конопля высаживается в небольших количествах, так как из-за сильной летней жары урождаются довольно редко. Скотоводством, за исключением овцеводства, занимаются с большим успехом. В местностях по ту сторону Волги по большей части ограничиваются разведением лошадей. Почва там неплодородна, растет один только кустарник, чрезвычайно редко встречается источник воды или маленький ручей. Там также встречаются каменные бараны³⁴, я нашел одного умершего, когда вместе с одним из поселившихся в этой стране немцев осматривал местность.

Далеко к югу можно встретить кочевые племена, которые кочуют со своими стадами по бескрайней равнине, и иногда небольшими группами посещают соседние городки и деревни³⁵. Во время своего переселения немецкие колонисты многого натерпелись от этих диких племен, которые часто нападали на колонии, но теперь, благодаря мерам, принятым правительством,

²⁹ Автор воспоминаний приводит два варианта бранных слов коменданта: русский и немецкий, приводимый в переводе.

³⁰ Камышин имел большое значение в жизни колоний, но никогда не был их административным центром.

³¹ «Церквей токмо три, две деревянные и одна каменная...» (*Шекатов А.* Географический словарь Российского государства. М., 1804. Ч. 3: К — М. Стлб. 277).

³² В Камышине «каналов заведено два» (*Шекатов А.* Указ. соч. Ч. 3. Стлб. 277).

³³ «В городе купцов 65, мещан и цеховых 301, бобылей 720 душ» (*Шекатов А.* Указ. соч. Ч. 3. Стлб. 277).

³⁴ Каменный баран, вернее горный баран, название различных видов диких баранов, водящихся в горах Европы и Азии, например, муфлон (*Ovis musimon*) в Европе, качкар (*Ovis poli*) и аргали (*Ovis argal*) в Азии и др.

³⁵ Речь идет о казахах, именовавшихся в русских официальных документах «киргиз-кайсаками».

как следует удерживаются в узде³⁶. После согласования системы безопасности колонистов они чаще всего стали нападать ночью во время сна и уводили в рабство целые семьи, откуда некоторые никогда больше не возвращались. Как одну из достопримечательностей мне показали в колонии Шваб (Schwab)³⁷ женщину примерно 46 лет, которая во время такого нападения беременной попала во власть этих дикарей и была уведена ими. На второй день после своего пленения, как мне рассказали, она родила мальчика под открытым небом и была вынуждена оставить его беззащитным в степи. Ночью, которая последовала после ее разрешения от бремени, ей удалось убежать, отыскать своего ребенка и вместе с ним благополучно вернуться к своим.

Я думаю, что еще несколько замечаний о народе, среди которого мы жили, могут быть интересны нашим читателям.

Азиатский русский отличается от европейского более сильным телосложением, большей ловкостью и иной раз также более приятной физиономией; но во всем остальном он примерно подобен последнему.

Классы народа делятся на высшее и низшее дворянство, купечество и представителей свободных профессий, к которым относятся немецкие мельники с их водяными мельницами и ремесленники. Эти три класса называются господами (панам). Затем идут государственные крестьяне и крестьяне, принадлежащие государственным казенным имениям, а также те, кто находится в собственности дворян. Первым рангом среди всех классов является духовенство, хотя, принимая во внимание образование, оно далеко позади. В среднем высшие сословия мало отличаются от образованных сословий в других европейских странах. Также среди ремесленников и представителей свободных профессий, особенно немцев, встречаются люди хорошо воспитанные, одаренные полезными знаниями. На печальной ступени унижения, достойной сожаления, находится крестьяне, что в меньшей степени касается государственных крестьян. Их положение регламентировано гуманными правилами, они меньше подвержены произволу, чем крестьяне дворян. Их деревни выстроены с большей заботой, среди них больше чистоплотности, лучшая одежда свидетельствует о благосостоянии. Их обращение с иностранцами свободное, менее отталкивающее, и когда мы подчинялись их обычаям, особенно приветствуя крестным знаменем при входе в жилища, то находили терпимый, часто дружественный прием.

Но помещичий крестьянин — раболепствующее существо, бедный, неопрятный и грубый. Он унижается перед каждым хорошо одетым человеком. Перед помещиком, когда заметит его на расстоянии ста шагов, он падает на колени, словно желает ему поклоняться в пыли. Его питание скудное: щи, кислая капуста и хлеб, а мясо — по большим праздникам.

Русские, особенно низших классов, очень религиозны, и хотя их обычаи многим известны, я упомяну все же один, который, пожалуй, немногие могли видеть, а именно водоосвящение в дни Святого Крещения Господня. Во льду реки прорубается большое отверстие, к этому отверстию отправляется праздничная процессия с духовенством впереди; при особом благословении духовенства определенного к этому действию верующего на веревке бросают в воду с головой, но затем очень быстро вытаскивают, после чего он тотчас же спешит домой. Тогда народ черпает воду, чтобы посредством такого действия получить освящение, которое в ней сохраняется до следующего года.

Уголовное правосудие в этой стране представляет возмутительное явление, которое состоит в мучительнейших телесных наказаниях. Я был очевидцем наказания одного преступника, который был выслан в Сибирь. Он получил бесчисленные удары кнутом, половина головы и борода были у него сбиты, затем разрезаны ноздри и выжжен на лбу орел. Это страшное наказание было приведено в исполнение на торговой площади, где специально соорудили эшафот, который имел наклонное положение; на этом эшафоте осужденного привязывали через

³⁶ В середине 1780-х гг. был создан Заволжский кордон, призванный предотвращать набеги казахов.

³⁷ Лютеранское село на правом берегу Волги в 48 км к северо-востоку от Камышина, основанное в 1767 г.

отверстия, которые были устроены для головы, рук и ног таким образом, чтобы несчастный не мог пошевелиться. В таком положении происходит наказание кнутом; я пропущу подробное описание этого инструмента, о котором очень легко можно получить представление, если я замечу, что обычно при первом ударе лопается кожа.

После (или «во время»?) четырехдневного пребывания в Камышине я познакомился с немецким мельником по имени Ринг (Ring)³⁸, в котором я нашел очень образованного человека. Его мельница была расположена в 12 часах пути от Камышина, однако же возросшая торговля зерном и мукой часто приводила его в этот город. Так и в этот раз он был здесь, чтобы распорядиться нагрузить корабль зерном и отправить в Астрахань. Этот человек родился в Вюрцбурге (Würzburg)³⁹, но уже в возрасте восьми лет вместе со своим отцом приехал в здешние места. С большим интересом он слушал, как рассказывают об обычаях, нравах и других условиях жизни в его отечестве, которое он мог помнить очень смутно. После того, как мы познакомились друг с другом поближе, он предложил мне давать уроки его детям, пока продолжается мое пребывание в плену, поскольку его мельница удалена от ближайшей колонии на два дня езды и он не находит возможности отпустить их учиться. Я был в положении, в котором это предложение должно было быть для меня в высшей степени желательным. Моя одежда, также как и гардероб моего друга Брауна, пришли в крайнюю негодность, нашего ежедневного денежного содержания едва хватало на самое необходимое⁴⁰. Теми уроками я мог бы что-нибудь добыть и вырвать нас обоих из затруднительного положения, поэтому я согласился на предложение. Добрый комендант охотно дал мне желанный отпуск под поручительство мельника и при условии являться к нему каждый раз по истечении четырнадцатидневного периода. Я отправился в путь со своим новым хозяином и был встречен его семьей с большими почестями. Мне представили молодежь, что была вверена моему преподаванию. Она была довольно многочисленной, впрочем, благодаря своему скромному поведению, продемонстрировала добросовестное воспитание.

Мельница имела прекрасное расположение, ее внутреннее устройство было предельно практичным. В домашнем хозяйстве, как и в деловых отношениях, господствовала строгая регулярность. Жилое здание имело два этажа, при нем располагался прекрасный открытый сад, с фруктовыми деревьями великолепнейших сортов, чье содержание при тамошних суровых зимах очень дорогостоящее. Кроме того, этот большой сад предлагал устроенные со вкусом ландшафты Парфии (Parthien)⁴¹.

Предметом моего преподавания были немецкий язык, письмо, арифметика и религия. Оно ограничивалось ежедневно четырьмя часами.

Однако, чем приятнее было для меня тамошнее проживание, тем меньше я мог совладать с собой, чтобы скрывать свою печаль о моем положении в качестве пленного, особенно о разлуке с моими товарищами по несчастью, главным образом, со ставшим для меня незаменимым другом Брауном. Семья смогла это заметить во мне после нескольких дней моего пребывания и стала размышлять о развлечении. Я был приглашен моим хозяином посетить несколько близлежащих колоний и его брата, который также владел мельницей в колонии, называемой Дрейспиц (Dreispiß)⁴². Как обычно в немецких колониях, здесь мне также был оказан отеческий прием, я был особенно удивлен изысканной, довольно большой библиотекой, значительная часть которой состояла из трудов по сельскому хозяйству. Этот действительно очень образованный человек, удостоил меня в равной степени как поучительной, так и приятной беседой. В его обществе мы поехали в колонию Шваб, чтобы посетить тамошнего старос-

³⁸ Сведений о нем не имеется.

³⁹ Город в Баварии на р. Майн.

⁴⁰ Большинство мемуаристов, также проживавших в этом регионе, напротив, отмечают, что при дешевизне продуктов офицерам денег хватало с избытком.

⁴¹ Ландшафт в северной Персии (Иране).

⁴² Лютеранское село на левом берегу р. Добринка в 90 км к северо-востоку от Камышина, основанное в 1766 г.

ту (Bouberner)⁴³, (полицейского служащего, который ставится начальником над одной, а иногда, и над несколькими деревнями⁴⁴), друга обоих братьев, имевшего несчастье потерять зрение. Мой приезд тут же собрал многочисленную компанию тамошних жителей, осыпавших меня проявлениями дружбы, а также пристававших с бесчисленными вопросами о родине, которая у них все еще жила в глубокой памяти, так что у меня было только немного времени, чтобы побеседовать с добрым слепым.

После возвращения на мельницу я возобновил преподавание, которое, однако, должен был на некоторое время прервать, так как после окончания 14-дневного периода, как я уже упоминал, я обязан был явиться к коменданту в Камышин, куда меня распорядился отвезти мой хозяин, обеспечив меня кафтаном и русским головным убором. Комендант в Камышине очень хорошо отнесся к моей пунктуальности, с которой я выполнил предписанный срок, и пригласил меня к завтраку. После этого я поспешил к моему другу Брауну, который сожалел о моем отсутствии и заверил меня, что его занятие кровопусканием, как и вообще врачебной практикой, которой он занимался весьма посредственно, получило бы более значительное распространение, если бы я ему оказал помощь моими небольшими знаниями русского языка. Когда я ему рассказал о слепоте швабского старосты, он уверил меня, что, если его состояние позволяет, то он возьмется его оперировать, поскольку в Берлине под руководством превосходных глазных врачей он занимался удалением бельма и приобрел в этом деле особые навыки; только для этого случая ему недостает иглы для снятия бельма.

Теперь я поспешил обратно домой. После восьми дней занятий уроками я обратился с просьбой к своему хозяину позволить мне съездить в колонию Шваб к старосте, что он охотно исполнил, так как я сказал ему о возможности увидеть своего друга излеченным от слепоты, которой он был поражен. По прибытии в Шваб я остановился на ночлег в гостинице, где одна старая добродушная женщина, которая, судя по ее языку, родом из Веттерау (Wetterau)⁴⁵, приютила меня с настоящим чистосердечием, назвала меня земляком своих родственников и во время беседы рассказала, что ее муж, урожденный житель Пфальца (Pfalz)⁴⁶ по имени Гемсемер (Gemsemer)⁴⁷, занимается кровопусканием и потому часто вызывается в отдаленные места, поскольку, кроме Саратова и Катариненштадта⁴⁸, нигде нет врача или хирурга. Она родилась в Даурнгейме (Dauernheim) и вместе со своими родителями, проживавшими там в нужде, и ребенком девяти лет приехала на свое нынешнее место жительства, где у них поначалу также не было лучшей доли, но через несколько лет положение значительно улучшилось. К вечеру ее муж вернулся из своей поездки по округе, и я был также встречен им с особым радушием. О своем искусстве он говорил без большого интереса и очень желал освободиться от утомительных путешествий зачастую по отдаленным колониям, что для его возраста было очень в тягость. Когда я заговорил с этим господином, которого теперь принимал за соратника по искусству, о возможной операции на глазах старосты, то он, кажется, очень высоко ценивший последнего, пришел в восторг. Мы тотчас же отправились к слепому. Наше сообщение и тем самым возрожденная надежда вновь обрести зрение, отсутствовавшее на протяжении длительного времени, привела хорошего человека в радостное возбуждение. Он был настолько обрадован, что с плачем бросился в мои объятия и обещал собственными руками раздать свое имущество, добытое тяжелым трудом, если его освободят от

⁴³ Слово искажено.

⁴⁴ Полицейских в колониях не было. В каждой отдельной колонии за порядком присматривали форштегер (староста) и два его помощника — баузитцера, которые, однако, в полиции не служили.

⁴⁵ Район в Германии, ныне в составе федеральной земли Гессен.

⁴⁶ Средневековое княжество на Юго-Западе Германии. По Вестфальскому миру 1648 г. курфюршество Пфальц. В 1793–1794 гг. часть Рейнского Пфальца была занята французскими войсками и в 1801 г. присоединена к Франции, другая часть поделена между германскими княжествами. В 1814–1815 гг. большая часть Пфальца отошла к Баварии, меньшая была разделена между Пруссией, Баденом и Гессен-Дармштадтом.

⁴⁷ Сведений о нем не имеется.

⁴⁸ Екатериненштадт (Катариненштадт, Баронск) (с 1928 по 1942 г. — Маркштадт, с 1942 г. — Маркс) — город в Саратовской области.

слепоты, которая лежит на нем тяжелым бременем, так как у него нет детей, и, таким образом, в своем несчастье он лишен любящей опоры и желанного утешения. Он настоятельно просил меня привезти как можно скорее моего друга, доктора, чтобы тот исследовал его состояние.

Я вернулся на мельницу и сообщил моему хозяину, что желал бы поддержать моего друга Брауна на врачебном поприще и сопровождать его и потому должен отказаться от преподавания. Мои доводы были выслушаны и, таким образом, я освободился от опеки этой почтенной семьи, чтобы испытать себя на другом поприще.

В сопровождении моего хозяина я отправился в Камышин. К этой поездке его побудила, прежде всего, заинтересованность в излечении старосты, он лично желал поговорить о деле с Брауном. Мы застали нашего друга за работой. Портной, у которого мы временно остановились, был занят изготовлением бинтов для кровопускания, а Браун незадолго до этого опробовал свое искусство на одном из колонистов, которого с помощью кровопускания и других средств избавил от тяжелой болезни. Это создало большую славу, вследствие чего для нас открылась значительная практика. Я не только ассистировал Брауну во время его операций, но и договаривался с русскими пациентами, которых он, при полном незнании этого для него противного языка, не мог ни спросить об их состоянии, ни выслушать жалобы.

После того как мы договорились, что Браун должен как можно быстрее обследовать состояние глаз старосты, мы все втроем отправились к коменданту, где Браун и я, по ходатайству мельника Ринга (моего бывшего хозяина) и под его гарантию, а также при условии уведомлять коменданта о нас в установленный срок, получили разрешение уезжать из Камышина в целях нашей врачебной практики тогда, когда это требуется. При этом мой друг Браун получил право практиковать.

Я приступаю теперь к содержанию нашего врачебного занятия, которое продолжилось вплоть до момента нашего освобождения. Оно стало бы дальше менее интересным, если бы такое достойное уважения искусство действительно было бы нашей собственной профессией. Сам Браун, хотя изначально был к этому склонен, покинул его уже давно как не завершивший обучение ученик, а меня никогда и нисколько в него не посвящал. Можете представить себе эту *par pobile fratrum*⁴⁹, в которой недостаток знаний соединился с незнанием языка, приходящую к постели больных в отдаленной Азии. Врач по профессии с состраданием отвердет свой взгляд от бедолаг, которые ищут спасения в такой помощи, и жаждет увидеть свидетельства о смерти из той самой местности в роковой период нашей врачебной деятельности, чтобы отыскать жертв, павших от нашего искусства. Но он ошибется — у нас никто не умер. Мы приходили и уходили с почетом, любовью и под удивленные взгляды как мастера искусства, в котором, мы оба, в общем, ничего не понимали. Но вернемся к делу.

Указанное лечение колониста, как уже говорилось, прославило нас в Камышине. Один тамошний богатый купец, русский по национальности, который был сильно поражен язвой, доверился нам. Один Бог знает, что ему назначил Браун. Вскоре этот господин стал чувствовать себя намного лучше, и со своей стороны он нам предоставил определенные льготы, так что мы бывали его ежедневными гостями к завтраку, который состоял из превосходной копченой рыбы, сырой и консервированной икры, что обыкновенно приносят к завтраку на Волге, и некоторой дозы хорошего грога. Наша практика ежедневно увеличивалась; как из Камышина, так и из колоний давали о себе знать больные, искавшие нашей помощи. Довольно часто Брауна вызывали на дом; в этом случае я принимал пациентов в его отсутствие, позволял им рассказать о своем недуге и передавал господину доктору после его возвращения необходимые сведения. Браун после получения сведений, которые он не считал опасными, имел обыкновение назначать кровопускание, которое делал сам, а также выдавать рецепт, за который пациент уплачивал один рубль «*pro studio et labore*»⁵⁰. Так как ближайшие аптеки находились в Саратове и Катериненштадте, соответственно в 15 и 16 часах пути, то мы организовывали

⁴⁹ «Пару знатных братьев» (лат.).

⁵⁰ «За знания и за работу» (лат.).

сбор трав и сами изготавливали медикаменты. Однако кровопускание, когда оно было более или менее возможно, всегда оставалось главным средством лечения, поскольку у русских и собственно у немецких колонистов глубоко укоренилось убеждение в отношении этого метода лечения: русский уже считал себя наполовину излеченным, если к нему прикасался инструмент для кровопускания. Нелегко представить себе, какое количество крови было пролито нами таким способом. Наше дело, которое постоянно увеличивалось под влиянием возросшей славы «немецкого доктора» (как называли Брауна), занимало все наше время. Только с восьми до десяти часов вечера мы позволяли себе отдохнуть в кругу наших товарищей по плену.

Наша врачебная практика в Камышине временно прекратилась вследствие отъезда в колонию Шваб для исследования состояния зрения уже упоминавшегося старосты. Браун нашел его нуждающимся в операции, прописал пациенту необходимую диету и мы вернулись обратно в Камышин. Там мы провели два дня, во время которых осуществили обычное кровопускание массе больных, обратившихся к нам; при этом не могло остаться незамеченным, что мы бесплатно обслужили наших немецких земляков.

После возвращения нашей первой заботой стало то, чтобы достать инструмент, необходимый для операции старосты. Нам удалось раздобыть старую заржавленную иглу для снятия бельма с глаза. Её владельцем был очень старый врач, уже давно оставивший свою профессию и проживавший в Камышине.

Мы продолжили нашу работу с той же активностью и с тем же успехом для наших больных, как и для нас, до тех пор, пока нас не забрали в конце сентября в колонию Шваб для операции старосты. К этой операции был привлечен в качестве собрата по искусству упомянутый прежде Гемсемер, которого в той местности называли кровопускателем. Приготовление к операции были проведены под руководством хирурга по всем правилам врачебного искусства. Вся комната была увешена, посередине расстелен ковер и на нем поставлен стул, на котором свое место занял пациент. Кровопускатель держал ему голову, мне было дано затруднительное задание удерживать глаз в спокойном состоянии путем вдавливания пальцем в правый угол глаза, и тогда Браун приступил к удалению пленки. Меня, кому никогда не приходилось видеть подобное, при проведении операции охватил неопишуемый страх, так как каждое мгновение я боялся, что при промахе глаз брызнет на меня. Но Браун, который это заметил, крикнул утешительно: «Ну, еще одно мгновение — и операция окончена». И действительно его искусной руке удалось освободить глаз от пленки. И в восторженном порыве страдающий выкрикнул: «О, Боже, я вижу!» Далее Браун повязал повязку, что еще было необходимо для полного выздоровления. Этот курс лечения продержал нас в Швабе четырнадцать дней, так как Браун желал со всей возможной заботливостью убедиться в благополучии старосты. Слава об этом успешном выздоровлении быстро распространилась из колонии в колонию. Люди с глазными болезнями устремились сюда из дальних мест и воспользовались нашей помощью. Но Браун лишь некоторых признал нуждающимися в операции, других не рискнул принять, так как теперь уже был октябрь, следовательно, наступило холодное время года.

После четырнадцатидневного пребывания в Швабе мы вернулись обратно в Камышин. Наши дела там ненадолго прерывались вследствие визитов, которые мы наносили частично прооперированному старосте, частично другим больным в тех колониях; к тому же мы иногда совершали увеселительные поездки, поскольку нас звали на большинство тамошних храмовых праздников, и нас словно переносило на родину, поскольку они праздновались с тем же шумным весельем, с теми же обычаями и тем же гостеприимным приемом иностранных участников, короче говоря, так же, как в немецком отечестве.

В ноябре наступили обычные в этой местности чрезвычайно сильные морозы, от которых мы теперь, благодаря врачебной практике «немецкого доктора», были надлежаще защищены шубами, так что мы могли совершать наши поездки со всеми удобствами. Во время одной из таких поездок, которую мы совершили в колонию Шваб, чтобы посетить нашего старосту, у которого мы остались на ночлег, нас оторвали от глубокого ночного сна и отвезли

в колонию Дрейспиц к нашему другу, ранее упомянутому тамошнему мельнику Рингу. Нам сказали, что его крестник, подающий надежды молодой человек, единственный сын престарелой вдовы очень сильно болен. К сожалению, при нашем прибытии мы нашли пациента в таком состоянии, которое не давало надежды. Браун тотчас же после первого беглого осмотра объявил его безнадежным и настаивал, что у него уже началась гангрена в кишках. Несмотря на это, обратились к разнообразным средствам, среди прочих к клизме, которая, по тому виду, как была сделана пациенту, показалась мне достойной внимания. Ведь «орудие» впрыскивания представляло собой свиной мочево́й пузырь со стволем из птичьего пера. Приготовления, чай и прочие домашние средства (там не было возможности прибегнуть к помощи аптеки) направлялись на неизлечимый недуг, но сильная природа одержала победу над слабым искусством, и через несколько часов бедный юноша отмучился. Горе матери было очень глубоким, и ее единственным утешением было то, что мы были рядом с ней, а также то, что мы должны были там оставаться до тех пор, пока оплакиваемый сын не был погребен, что задержало нас в этом месте на два дня. Мы расстались, но настойчиво отказались от действительно щедрого вознаграждения, которое нам предлагалось, верные принципу обслуживать наших немецких земляков бесплатно. Этот пациент был единственным, кто умер при привлечении умений «немецкого доктора»; однако Браун заверял и даже не врач также ясно это видел, что болезнь достигла такой степени, что спасение было невозможным. И поэтому я мог бы с высоты своего взора, который бросаю вообще на нашу врачебную деятельность, по праву сказать, что у нас никто не умер.

Пока мы непрерывно занимались исполнением однажды захватившего нас дела, все же часто появлялась тревога за мое будущее, в случае, если наш плен должен будет продлиться. Браун мог от меня отделиться, а так как мое тогдашнее благополучное положение целиком зависело от друга, то при таком разделении меня ожидало трагическое будущее. Поэтому я готовил себя к самому худшему и пытался основательнее овладеть русским языком, который в ходе общения с русскими я изучал мало-помалу, но чрезвычайно поверхностно. В этом деле мне оказал помощь один бывший русский генерал, который был немцем и вместе со своей племянницей проживал в Камышине в уединении. Ему я как немецкий офицер засвидетельствовал свое почтение. Меня принимали с большой добротой, когда мои прочие занятия позволяли совершать визит в этот дом. Генерал одобрил мое намерение изучать русский язык и сам оказал мне содействие тем, что дал некоторые инструкции и разрешил пользоваться своей библиотекой. Сверх того в изучении этого действительно сложного языка я имел помощь со стороны его любезной племянницы, которая немного говорила и писала по-немецки, но зато довольно бегло по-русски, так что мы оба обучали друг друга, насколько прочие обстоятельства предоставляли мне время на это.

Эти меры предосторожности для моего будущего, к которым меня побудили печальные перспективы продолжительного плена, в мрачные часы часто демонстрировавшиеся мне моей фантазией, возбуждаемой свежими картинками перенесенной нищеты, между тем оказались ненужными. Наступил день, который сделал излишним язык, совершенно неприемлемый немецкому слуху и произношению, страны, в которой я подвергся стольким бедствиям и с которой всю мою жизнь связывают только горькие воспоминания. Нельзя было успокоить свои эмоции, когда, как можно было убедиться, порой только одиночки из общей массы людей, поступавших здесь вполне справедливо, обращали на себя внимание гуманностью, распространной в немецком отечестве и у всех цивилизованных народов.

22 декабря 1813 [года] неожиданно к нашему небольшому жилищу подъехали казенные сани коменданта; служащий вошел к нам и, по распоряжению своего господина, предложил нам ехать с ним. Мы уселись в удобно устроенные и хорошо украшенные сани и за короткое время прибыли к квартире коменданта. Когда мы вылезали, кучер обратил внимание на мой нос, так как на моем лице свешивалась ледяная сосулька — я его отморозил во время нашего короткого пути, поскольку в спешке нашего отъезда не защитил надлежащим образом свое лицо. Непрерывным растиранием снегом этот недостаток в несколько минут был устранен, и я

поспешил вместе с Брауном в комнату коменданта, который вышел к нам навстречу с распростертыми объятиями, обнял нас, поцеловал и с сияющим от радости взглядом объявил нам о нашем освобождении. Все его поведение показывало теплое участие в нашем освобождении, он читал громким и оживленным голосом, скорее продекламировал нам несколько раз указ, по которому отпускались пленные, и пригласил нас на превосходный завтрак. Между тем мы не могли безоговорочно предаться радости: предстоящее путешествие продолжительностью более чем в тысячу часов, большая часть которого проходила по местности, ничего не напоминавшая нам, кроме ужасных страданий, и которое мы теперь должны были совершить одни, без эскорта, следовательно, в какой то мере незащищенные, вызвали опасения у меня и у моего друга, которые мы вынуждены были показать своей мимикой. Комендант, казалось, догадался, что у нас происходило внутри, поскольку он, без какого-либо высказывания с нашей стороны, заговорил о нашей поездке как о легком предприятии, которое пройдет без каких-либо трудностей. При этом он был поддержан своей супругой, проявившей любезным образом интерес, который она имела к нашему освобождению.

По завершении завтрака комендант сказал нам, чтобы мы непременно прибыли в Саратов до Рождества, и так как до него было два дня пути, то предоставил нашей воле: желаем ли мы выехать в тот же день или на следующий день. Мы предпочли первое, ибо кто не торопится покинуть тюрьму, когда наступает час освобождения? Также он проявил внимание, спросив нас, должны ли мы получить необходимый гонорар от наших пациентов; в случае, если у нас были неуплаты, он хотел позаботиться об их немедленном удовлетворении. К этому не было повода, кроме незначительных исключений, по которым мы не пожелали предъявлять претензии. Мы тотчас же получили оформленные для нас маршрутные листы до Саратова, по которым могли ехать от станции к станции без остановки. После этого мы трогательно попрощались с комендантом, который во время нашего пребывания в Камышине всеми возможными способами облегчал нашу судьбу и даже часто доставлял часы удовольствия, особенно когда его посещали офицеры из соседних гарнизонных городов, и он вытаскивал нас на дружеские и почетные обеды. Ему и его любезной супруге мы высказали нашу благодарность за все оказанное нам добро, вернулись к упомянутым ранее казенным саням и поехали обратно в наше бедное жилище, осуществили быстрые приготовления к отъезду, попрощались с нашими товарищами по несчастью, а также с друзьями и знакомыми, которых мы приобрели за время нашего пребывания там, и в два часа пополудни выехали на одних санях без всякого сопровождения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возвращение из Камышина в отечество

Путь шел через колонию Шваб, где сменили лошадей. Здесь мы попрощались с нашим дорогим старостой, который, как уже рассказывалось, обязан своим восстановленным зрением мастерству Брауна. При извещении о нашем расставании он громко заплакал, так как для сохранения в будущем своего так счастливо возвращенного зрения он еще нуждался в советах Брауна. Браун вынужден был его успокоить, дав ему подробные инструкции на будущее. Я простился также с почтенным кровопускателем и его любезной супругой. В этой колонии нас снабдили продуктами и прочими мелочами для путешествия и отпустили с многочисленными пожеланиями счастья и удачи. Теперь мы неудержимо мчались по ледяному покрову реки Волги, укутавшись в великолепные шубы, которые раздобыли нашей врачебной практикой, в наших санях, запряженных великолепными лошадьми той местности. Чтобы поддержать хорошие пожелания, извозчикам в изобилии выдали вино, приводящее в действие все, и 23-го в 12 часов ночи мы целыми и невредимыми прибыли в Саратов.

На следующий день мы отправились к губернатору, чей человеческий прием пленных, о котором сообщалось ранее, еще должен быть в памяти моих читателей. Также и в этот раз мы были приняты тем же дружеским образом. Его первым стремлением было узнать о том,

как нас содержали в Камышине. Только когда мы, как это и не могло быть иначе, отдали должное тамошнему превосходному коменданту и произнесли похвалы, которые во всех отношениях заслужил этот благородный господин, губернатора охватила радость, и он воскликнул в глубоком порыве: «И это правильно, человеку подобает с любовью относиться к другому человеку, к своему другу, а также и к несчастному врагу, такова воля нашего великодушного императора. То, что Вы, возможно, пережили ужасное в России, Вы не приписывайте на счет правительства, приписывайте это в большей степени той озлобленности, к которой привело народ преднамеренное, не вызванное никакой прежней враждебностью вторжение в мирную страну, отмеченное кровью, разбоем и разрушением. Народ, если его один раз таким вот способом привести в раздражение, переходит границы привычного порядка и позволяет себе поддаваться заблуждениям, на которые, как он думает, имеет право, потому что видит в них возмездие за многие страдания, которые постигли отечество». Мы не могли высказать возражения на взгляды губернатора, однако же из собственного опыта у нас осталась убежденность в том, что при высшей степени благородстве правителя все же в России больше, чем в других странах, от второстепенных служащих зависит произвольное устранение его мудрых и гуманных распоряжений. Помимо саратовского губернатора или коменданта в Камышине и Еркаски, которые с нами обошлись с любовью, мы, возможно, насчитали с десятков таких служащих, которые вопреки намерениям монарха и его самым строгим приказам разделяли взгляды диких масс, которые добрый губернатор назвал совершенным варварством.

Губернатор ознакомил нас с повелением императора предоставить каждому пленному офицеру сто рублей ассигнациями⁵¹ на экипировку и проезд⁵²; это сообщение было чрезвычайно приятным, особенно Брауну и мне, так как дохода, сэкономленного от нашей врачебной практики, было недостаточно, чтобы покрыть расходы на дальнейший путь. Кроме квитанции при получении денег губернатор предъявил нам для подписи письмо, в котором содержалось заявление, что у нас нет никакого повода к каким-либо значительным жалобам во время нашего пребывания в Саратовской губернии. Я вспомнил позорное жестокое обращение, которому нас подверг начальник эскорта, сопровождавшего нас из Саратова в Камышин, продержав нас в окопах в течение двух дней и заставляя идти пешком без какой-либо другой пищи, кроме хлеба и воды, о чем мною, как и комендантом Камышина, была подана жалоба губернатору, и позволил себе высказать недовольство подписанием заявления, пока я не буду уверен, что нам доставили удовлетворение наказанием этой жестокости. Губернатор ответил мне на это, что благодаря моему публичному замечанию ему приятно получить повод, чтобы доказать, что жестокость в отношении пленнх рассматривается как преступление и как таковое со всей строгостью наказывается. Начальник был разжалован и отправлен в Сибирь; это одно из самых суровых наказаний, которым подвергается преступник. Одновременно он приказал своему адъютанту проводить нас в полицию и там предъявить нам листы приговора, чтобы мы смогли убедиться в правдивости его высказывания. Будучи не в состоянии, чтобы даже немного сомневаться в словах этого благородного человека, мы отказались от всяких последующих расспросов и подписали предложенное свидетельство.

После этого губернатор отпустил нас с замечанием, что наше пребывание в Саратове затянется до Нового года, и до этого момента мы должны расквартироваться, как по приезде сюда⁵³.

Рождественские праздники мы провели по большей части в обществе немецких семей и по немецким обычаям. Перед нами были открыты все двери, и повсюду нас встречали с любовью. В первые дни Рождества я узнал от собравшихся в немецкой гостинице баварских, вюртембергских, вестфальских и бергских офицеров о том, что правительство Великого герцогства Гессен перевело для каждого пленного гессенского офицера денежное пособие в размере

⁵¹ Буквально «бумажных денег» (Papiergeld).

⁵² Военнопленным обер-офицерам в предписании С. К. Вязмитинова от 2 октября 1813 г. было разрешено для приобретения одежды выдавать по 100 рублей.

⁵³ Перевод последующего текста осуществлен А. Н. Галямичевым.

250 гульденов⁵⁴ в банк Wach & Comp. в Петербурге и что приглашение к получению этой суммы было опубликовано в петербургской немецкой газете⁵⁵. Я не видел этой газеты в Камышине, и потому ничего не знал о пособии. Для того чтобы удостовериться в реальности услышанного, я отправился к губернатору и изложил ему суть дела. Выслушав меня с обычной любезностью, он подтвердил достоверность этих слухов и тотчас заверил меня в том, что если я действительно являюсь гессенским офицером (до сих пор я всё ещё не был признан в качестве такового в России, поскольку для окончательного решения этого вопроса было необходимо предъявление отсутствующих у меня документов), то могу быть совершенно уверенным в том, что получу причитающиеся мне 250 гульденов в Белостоке (Bialystock). Он незамедлительно распорядился о составлении официального письма по этому делу, и пообещал мне, что в ближайшее время отправит его в Петербург и таким образом окажет содействие получению мною денежного пособия в Белостоке. Я расстался с ним с многословным выражением своей благодарности. Впоследствии я убедился в том, что этот честный человек сдержал своё слово, и в Белостоке я без каких-либо осложнений получил назначенное каждому пленному гессенскому офицеру пособие.

Готовясь к отъезду из Саратова, мы с Брауном, благодаря помощи одного немца-шорника, приобрели для себя удобные сани за 12 рублей, вооружились саблями и вот, попрощавшись со славным губернатором, выразив ему нашу признательность за многократные проявления участия к нашим минувшим страданиям и поистине благородное стремление облегчить нашу участь всем, что было в его силах, отправились на давно покинутую и страстно желанную родину. Мы выехали из города в три часа пополудни, однако не преодолели и полутора вёрст, когда на нас внезапно обрушилась буря, и нам пришлось вернуться в город. На следующий день мы снова отправились в путь и без всяких осложнений 19 января в три часа пополудни благополучно прибыли в Тамбов. Холода, которые нам пришлось вынести, были ужасными; несмотря на тёплую одежду, хорошее питание, которое мы имели, и совершенно необходимую в это время года в России водку, мы продрогли, наши глаза были так поражены морозом, что часто казались оледеневшими. Превосходнейшую службу сослужил нам на этом пути славный Линденштрут, с которым, как помнят читатели, я встретился на моём печальном пути пленного в Саратове и которого я на обратном пути вновь разыскал и взял с собой. До Белостока он оказывал нам дружеское внимание, на каждой станции со всей основательностью заботился о наших нуждах, так что мы могли не задумываться об этой стороне путешествия.

Перевод с немецкого выполнен кандидатом исторических наук Е. В. Ермасовым при участии доктора исторических наук А. Н. Галямичева, комментарии составлены кандидатом исторических наук В. П. Тотфалушиным

⁵⁴ Гульден (нем. Gulden, от Gold – золото) – золотая, затем серебряная монета в некоторых европейских странах в XIV–XIX вв.

⁵⁵ Скорее всего, речь идет о газете «St.-Peterburgische Zeitung», выходившей в XVIII–XX вв.